

лит. газеты — 1990-24 мая (ср.) — с. 8

АВАНСЦЕНА

ЦОЛЬ НА КУЛЬТУРУ

Министр Раймонд ПАУЛС:

— Раймонд Волдемарович, когда вы вступили в министерскую должность, из этого кабинета раздавалось «SOS». Сменился ли лозунг?

— По-моему, кричать надо громче. Я предполагал, что будет плохо, но что так... Голова порой болит от этих дряг, оппозиций, амбиций...

— С вашим приходом связывали большие надежды...

— Я тоже думал, что со своим авторитетом и возможностями что-то смогу. Материально я давно человек независимый и говорю то, что думаю, — в этом смысле кресло мне ничего не прибавило. Но хотелось как-то помочь республике, народу. А что я сейчас могу? Если бы у министра культуры была хоть какая-то власть...

— От кого или от чего вы сейчас больше всего зависите?

— Думаете, от ЦК? Ничего подобного. Вот видите телефон? Он молчит. Я завишу от нашей неразвитой экономической системы. В прошлом году на культуру в республиканском бюджете отводилось 0,9 процента. А в бюджете 1990 года ее нет вообще. Есть статья о социальном развитии, куда культура входит составной частью наравне с детсадами, больницами, жильем. Приоритеты очевидны.

— И тем не менее вы ходите на работу, получаете зарплату. Извините за неделикатный вопрос: за что? И вообще, как измерить вклад министра культуры в культуру? Раньше, догадываюсь, — лауреатами, призами, званиями. А теперь?

— ...квадратными метрами.

— ?

— Потому что главным моим занятием стала борьба за помещения: у одних отнять, другим передать. Мы же для культуры ничего не строим, здания давно обветшали, требуют реставрации. И знаете, чего от меня сейчас ждут? Вот если в опере начнется ремонт — я победил. Если мы приступим к строительству государственной библиотеки — я герой. Если построим в Валмиере театр — я просто бог. Тогда мне есть чем отчитываться. Ко мне только с этим и подходят: насколько вырос фундамент театра? А насколько при этом снизился уровень культуры — никто не знает.

— Понимаю и разделяю вашу тревогу. С ней трудно не согласиться. И все-таки за последний год в структуре республиканской системы культуры произошло столько изменений, сколько не происходило за предыдущее десятилетие. Появилась самостоятельная фирма «Латвия кино», из-под министерской опеки ушла полиграфия, на хозрасчет перешло эстрадное отделение филармонии. С 1990 года хозрасчетная система начнет действовать в театрах. Вы считаете, выход в этом?

— Я не считаю хозрасчет панацеей. Кино и театр отделились потому, что жизнь доказала: мы не нужны друг другу. И то, и другое — самостоятельная индустрия. Хотя кинематографистам на вольных хлебах придется туго, вряд ли фильмы рижской киностудии окупятся в прокате. Но мы им все равно помочь ничем не можем.

Что касается театров, здесь сложнее. Даже перейдя на хозрасчет, они останутся на дотации. Дело ведь не в том, чтобы они себя окупали, а в том, чтобы перестали быть иждивенцами. К сожалению, у нас в театрах привыкли считать: государство обеспечит. И никто не думает, как заработать эти деньги. А художественный уровень все ниже. Во многих театрах уже привыкли к тому, что зал заполнен наполовину, оперетта просто горит. В театральском коллективе должна быть договорная система отношений, конкурс. Талант обязан доказывать себя. Во всем мире эти отношения давно отработаны. А у нас, посмотрите, в молодежном театре сколько пенсионеров сидит. И не работают, и никуда не уходят, и наша система не позволяет от таких избавиться. Сколько на меня сейчас нападков из-за того, что я пытаюсь ввести договорную систему!

— С другой стороны, можно понять и актеров. Может быть, вводить эту систему надо постепенно, создав сначала фонд помощи безработным?

— Вот-вот, с этой идеей сейчас носится Союз театральных деятелей Латвии. Но кого поддерживать? Тех, кому пора уйти на заслуженный отдых? Или бездарность? Да и откуда брать деньги? Так мы никогда не поднимем профессиональный уровень. Мы когда-то любили говорить о трагедии артиста в капиталистическом мире, но так создается качество культуры. Никакой хозяин никогда не будет держать сотню актеров

на зарплате. А мы держим и теряем в своем духовном развитии. Общество теряет.

— И сколько вы предполагаете уволить актеров из рижских театров, чтобы повысить их уровень?

— Что вы, нет такого слова: уволить. Меня уже приучили к этому. Хотя если откровенно, треть актеров явно лишняя. Признаюсь, я давно хотел закрыть оперетту и, по-моему, сделал бы доброе дело. Опереточные спектакли вполне можно ставить в опере раз в месяц, для разгрузки. Они ведь должны быть богатые, красивые. А при бедности нашего театра оперетты это выглядит жалко, провинциально. Так что вы думаете? На меня написали в ЦК все 220 работников театра.

— И что?

— И ничего. Я вынужден дать им еще год на размышления.

— Может, стоило разработать какой-то компромиссный вариант совместно с театром?

— Вы даже не можете представить, как это сложно. У каждого актера свои пристрастия. Кто-то будет защищать свой курс, а кто-то любовницу. Единственников найти очень сложно.

— А у вас они есть?

— Мало.

— На кого же вы опираетесь?

— Только на самого себя.

— Значит, вы принесли себя в жертву?

— Нет-нет, не надо делать из меня великомученика. Просто очень хочется, чтобы был какой-то толк, но не идет...

— Раймонд Волдемарович, в связи с такой активной «отделенческой» кампанией в культуре не получится так, что ваше министерство станет министерством театров или министерством музеев? Не уменьшится ли необходимость в управлении?

— Думаю, что нет. Во всем мире существуют министерства культуры, которые проводят государственную политику. Что это такое? Для нас — забота о повышении профессионального мастерства. Перераспределение кадров в провинцию. Программа сохранения национальных духовных богатств. ...Эти вещи могут решать только государственные органы.

Кроме того, жизнь доказывает необходимость контроля. Я не говорю о контроле идеологическом — тут нужна полная демократизация, а о контроле за художественным уровнем, за тем, куда идут государственные деньги. Я не хочу оправдывать существование министерства только потому, что я здесь работаю, но я убежден, что при нашем уровне культуры, при наших порядках без него ничего не получится. У нас общество такое, мы до другого не доросли.

— И все-таки в республике создан мощный Фонд культуры, возникло два десятка национально-культурных обществ, культура все больше доказывает способность к самоуправлению.

— Это замечательно, что они есть, но они больше занимаются не профессиональной, а, так сказать, народной культурой. Мы можем только помогать друг другу, взаимодополнять. В Латвии когда-то были сильными русское, еврейское культурные общества, они имели свои деньги, сами строили здания. Надеюсь, что и нынешние постепенно наберут силу.

— Если выделить главное, что принес вам первый министерский год?

— Много седых волос и изрядное количество недоброжелателей. Появилась сложность, которую я даже не предвидел. Если бы на моем месте сидел чиновник, он бы пошел в оперу — дилетанту все нравится. А я профессионал и часто говорю: плохо. Вы представляете, какое это вызывает раздражение?

— Поздравляю вас с Новым годом и спрошу: что вы от него ждете?

— Кульминацией года, по-видимому, будет Праздник песни, к которому мы сейчас интенсивно готовимся. Хочется надеяться, что переход республики на экономическую самостоятельность поможет и культуре. Может быть, мы наконец воспользуемся своим единственным преимуществом — географическим положением — и сможем зарабатывать валюту благодаря нашим портам? А вообще, после плохого всегда должно наступить что-то хорошее.

Р. С. В недавней передаче «До и после полуночи» прозвучала новая песня Р. Паулса «Дай Бог!» на стихи Евг. Евтушенко. Несмотря на государственные заботы, министр не теряет творческой формы.